

Глава 14

Юнь Байя убежала в слезах. Прохожие, что только что оживленно перешептывались, глядя на рыдающую девушку, больше не решались её задерживать и послушно расступились.

— Эй, Байя! — Мэн Юнь топнула ногой, беспомощно глядя вслед подруге, скрывшейся в толпе.

«И зачем было выставлять всё это напоказ? Бедную Байя так расстроил!»

Она гневно обернулась к юноше:

— Всё из-за тебя!

Шэнь Юй стоял, понурился; слишком длинные волосы скрывали половину его лица, а вместе с ней — и любые проблески эмоций.

Зная общее положение дел в обеих семьях, свидетели сцены не сочли поведение парня чрезмерно агрессивным. Напротив, в их глазах он выглядел несчастным малым, который дошел до ручки и лишь потому решил требовать долг. Если в чём его и стоило упрекнуть, так это в собственной глупости — надо же было додуматься тратить последние копейки на подарки девице.

— Я не хотел... Если всё так вышло, то, может, и не нужны мне эти деньги, — пробормотал Шэнь Юй, притворно шмыгая носом и вытирая глаза рукавом.

Разумеется, отказываться от средств он не собирался. Тактика «отступления ради нападения» была ему знакома не хуже, чем главной героине. Он прекрасно понимал: чем сильнее он будет строить из себя жертву, тем надежнее Мэн Юнь закрепит за подругой статус должницы.

Предположение подтвердилось. Девушка яростно фыркнула:

— Нужны нам твои гроши! Байя обязательно всё вернет, она не из тех девчонок, что пользуются чужой добротой.

— Правда?

«Не верю!»

В голосе юноши прозвучала робкая надежда, но он тут же снова поник и, теребя ремешок своей убогой сумы, тихо пояснил:

— Я... я просто хотел сумку сменить...

Стоило ему упомянуть свое приобретение, как взгляды прохожих вновь пригвоздили несчастный предмет к позорному столбу. Тот, кто сшил этот кошмар, явно обладал извращенным талантом — сотворить нечто столь уродливое, напоминающее суму последнего нищего, под силу не каждому.

Мэн Юнь тоже брезгливо отвернулась и, выпятив грудь, пафосно заверила:

— Не смей сомневаться, Байя отдаст долг. Я тебе гарантирую.

— Спасибо, товарищ Мэн, — с облегчением выдохнул Шэнь Юй и, подняв голову, искренне ей улыбнулся.

Собеседница так и замерла на месте. Оказывается, этот нелепый пасынок, когда улыбается, выглядит... на редкость красиво?

— Товарищ Мэн, тогда я пойду. И еще раз спасибо тебе за всё.

Эта благодарность была честной. Мэн Юнь действительно была прямолинейной и искренней, вот только со вкусом на друзей и кавалеров у неё была настоящая беда — выбирала она их так, словно была совершенно слепой.

В оригинальном романе, который читал Шэнь Юй, роль этой «подруги-правдурочки» была куда значительнее его собственной.

Она была классической подругой главной героини, идеальным «инструментом» сюжета. В отличие от другой приятельницы, которая позже влюбилась в Сяо Цзяхуэя и со скандалом порвала с Байя, Мэн Юнь оставалась верна Юнь Байя до самого конца. Она говорила то, что той было говорить неудобно, и делала то, что могло запятнать репутацию героини.

Самое поразительное, что она ни разу не посягнула на главного героя, напротив — всячески способствовала их союзу.

В награду за преданность Юнь Байя, обретя свое «счастье», сосватала подругу за одного из друзей Сяо Цзяхуэя. Тот позже разбогател под крылом главного героя и стал весьма успешным человеком. Жаль только, что мужская солидарность и успех в бизнесе не делают из человека примерного семьянина — едва разбогатев, новоиспеченный делец начал открыто изменять жене.

Сяо Цзяхуэй и Юнь Байя, прекрасно зная об этом, продолжали покрывать изменника. Цзяхуэй оправдывал это тем, что с другом он в ладах, а Мэн Юнь ему никто, так что «свои» важнее справедливости. Юнь Байя же проявила истинную «чуткость», утверждая, что не может

открыть подруге горькую правду, так как это разрушит её «счастливую» жизнь.

Читая этот фрагмент, Шэнь Юй едва не плевался от негодования. Лично он, оказавшись на месте девушки, предпочел бы горькую правду роли одураченного дурака. Но Юнь Байя в романе была воплощением доброты и кротости, стремящейся к тому, чтобы «все жили дружно». Так что её молчание преподносилось как великая жертва ради блага ближнего.

Разумеется, шило в мешке не утаилось. Когда Мэн Юнь узнала правду и потребовала развода, все бросились её отговаривать, включая и лучшую подругу. В итоге развод не состоялся — по книге, несчастная якобы не смогла бросить маленького ребенка.

В дальнейшем муж продолжал гулять, а семейная жизнь превратилась в вялотекущий кошмар. Эти подробности всплывали в светских беседах главных героев, служа лишь фоном: чем хуже жили Мэн Юнь с мужем, тем слаще и ценнее казалась любовь Байя и Цзяхуэя.

Героиня даже как-то сокрушалась, что её подруга слишком сурова и недостаточно нежна с мужем, намекая, что в разладе виноват не только Чжоу Бо. Для автора романа Мэн Юнь была лишь грубоватой, порывистой «простушкой», которая вечно ляпает глупости.

Но в глазах Шэнь Юя, какой бы резкой ни была эта девушка, в ней не было гнили. Она была обычным человеком со своими недостатками, которые лишь ярче подсвечивали «совершенство» Юнь Байя. По сути, и прежний владелец тела, и она были одинаковыми расходными материалами, чью пользу выжимали до последней капли.

К сожалению, сейчас Шэнь Юй сам едва держался на плаву, ломая голову над тем, как сбежать от семьи Сяо, и на спасение других у него просто не было сил. Да и попытайся он сейчас предупредить её, она лишь приняла бы его за сумасшедшего клеветника.

Из-за разборок на дороге парень едва не опоздал и влетел в школу на всех парах. Ему до безумия нравилось это чувство — когда здоровые ноги несут тебя вперед. Единственное, чего не хватало, так это выносливости; мышцы нужно было срочно укреплять.

Отыскав в памяти нужный класс, он вошел внутрь. Свободных мест почти не осталось. Большинство учеников сосредоточенно читали, кто-то перешептывался, а кто-то дожевывал завтрак.

Юнь Байя ожидаемо отсутствовала. Для такой гордячки, как она, позор перед Шэнь Юем и толпой был слишком велик — она ни за что не осмелилась бы явиться в тех самых кроссовках.

«Тонкая кожа — это хорошо, — подумал он. — Я люблю иметь дело с такими людьми»

Он знал, что у неё найдутся деньги для возврата долга. В романе, вскоре после инцидента на реке, наступил день рождения Сяо Цзяхуэя, и Байя подарила ему кожаные туфли за тридцать

два юаня — сумму, в несколько раз превышающую все нынешние активы Шэнь Юя. Почему месяц назад у неё якобы не было денег на кроссовки, его не волновало; главное — он знал, что она платежеспособна.

До начала занятий оставалось пять минут. Окинув взглядом класс, юноша заметил, что пустует всего пять-шесть мест, включая места Цзяхуэя, Байя и Мэн Юнь.

Не задерживаясь, он прошел к последней парте. Столы здесь были длинными, на двоих, с небольшой перегородкой внизу, но с общей ровной столешницей.

Сейчас половину его пространства беспардонно занимал чужой локоть. Могучая рука прижимала открытый алюминиевый контейнер, полный вареных яиц. На крышке уже высилась горка скорлупы, а его соседка увлеченно поглощала завтрак.

Шэнь Юй достал из сумки тряпицу — он сшил её из обрезков ткани, оставшихся от пошива нижнего белья, — и первым делом тщательно протер стул. Это была не прихоть: у него было всего два комплекта одежды, а на улице холодало. Грязные вещи пришлось бы стирать в ледяной воде, ведь скупая старуха Сяо ни за что не позволила бы ему греть воду для стирки.

Закончив со стулом, он запихнул сумку в стол и слегка подтолкнул локоть соседки:

— Подвинься немного.

— А, — отозвалась та. Огромная, крепко сбитая девчонка, пережевывая яйцо, послушно убрала руку и бесхитростно заметила: — Шэнь Юй, а сумка у тебя страшная.

— Согласен, — кивнул он, принимаясь протирать столешницу.

— Зачем тогда носишь? — Соседка с любопытством уставилась на него. Ей показалось, что сегодня парень какой-то... другой.

— Потому что денег нет, — не стал скрывать он.

Соседка издала неопределенный звук. О его происхождении знал весь класс, так что её это не удивило. Пока они перекинулись парой фраз, исчезло еще одно яйцо. Специфический запах вареного белка поплыл по классу, и мысли о заработке мгновенно трансформировались.

Запах яиц многим не по душе, но в эпоху тотального дефицита это был аромат роскоши.

«Точно! — осенило его. — Я же могу продавать чайные яйца!»

Торговля ими действительно могла принести неплохой доход. Однако он тут же отмел эту идею. Сами яйца стоили недорого, заварку можно было взять самую дешевую, но для настоящих чайных яиц нужны были специи, дрова, казан и тара. У него не было ничего из этого. Путь кулинару пока был закрыт.

— Ты что, свинья?! Только и знаешь, что жрать! Класс — для учебы, хочешь набивать брюхо — катись на улицу! — Запах учуял и сосед с передней парты. Развернувшись, он с силой толкнул их стол.

Шэнь Юй, подпиривший в этот момент щеку ладонью и витавший в мечтах, не успел среагировать — локоть соскользнул, и он едва не впечатался лбом в дерево.

Его соседка, которая с виду могла бы уложить двоих, густо покраснела и принялась лихорадочно прятать недоеденное яйцо в контейнер.

— Прости, прости... — забормотала она, запихивая еду под парту.

Шэнь Юй выровнял стол и холодно взглянул на задиру:

— А ты позавчера прямо здесь ел соевую пасту, от тебя несло за версту.

Нормальная соевая паста не воняет, но та, что была у парня, явно подтухла. Видимо, дома пожалели выбрасывать, а когда другие жаловались на запах, он лишь огрызнулся.

Лицо переднего соседа из черного стало багровым. Он сжал кулаки и вскочил:

— Обуза несчастная, ты жить надоело?!

Шэнь Юй даже не шелохнулся. Он лишь слегка откинул голову, глядя на врага с нескрываемым презрением:

— Ну давай, попробуй, пришиби меня. Моя жизнь и гроша не стоит, а ты за неё пулю в лоб получишь. Отлично выйдет — хоть кого-то с собой прихвачу.

Он не был прежним Шэнь Юем, который позволял вытирать о себя ноги. Этот мусор перед ним был одним из тех, кто изводил прежнего владельца тела: воровал его и без того скудные обеды, заставлял дежурить за себя, толкал и осыпал оскорблениями.

Нынешний Шэнь Юй не отличался великодушием. Напротив, он был мелочным и крайне злопамятным. Уличные драки были ему не в новинку — опыта хватало, а страха не было и в помине.

— Ты...! — Цянь Цзюнь так и задохнулся от ярости. Однако он не рискнул заявить, что не боится расстрела — с момента последней волны жестких репрессий против преступности прошло всего два года.

— Цзюнь-гэ, пацан совсем берега попутал, вломи ему!

— Точно, какой-то приبلуда еще огрызается, проучить его надо!

Вокруг Цянь Цзюня тут же засуетились другие «отбросы», подливая масла в огонь. Шэнь Юй продолжал сидеть, не шевелясь. И хотя он был ниже вскочившего противника, его аура ничуть не уступала мощи этого верзилы.

— Сейчас урок начнется, некогда мне с тобой возиться. Ты у меня еще попляшешь! — Цянь Цзюнь то сжимал, то разжимал кулаки, но в итоге лишь выплюнул угрозу и сел на место.

Шэнь Юй не сдержал короткого смешка. Правду говорят: наглый боится дерзкого, а дерзкий — того, кому нечего терять. Стоило ему показать, что он готов идти до конца, как мелкая сошка вроде Цянь Цзюня тут же дала заднюю.

<http://bllate.org/book/15805/1423741>